

Медицинский центр был переполнен, некоторые офицеры даже начали эвакуировать людей, установив срочные ограждения.

Несколько частных самолетов кружили прямо над больницей, непрерывно доставляя медицинское оборудование, а пожилых, но высокопрофессиональных врачей, словно груз, доставляли под охраной из самолетов в операционные.

Они были похожи на рабочих пчел, спасающих свою королеву.

Цзян Сэнь и его свита, разумеется, уже давно находились внутри, в реанимации, а меня под охраной оставили снаружи больницы, даже в здание не пустили.

И хорошо, что не пустили — хоть посмотрю на эту сцену из фильма.

Я, подражая своему представлению об Аллене, грациозно прислонилась к машине, на что получила негодующие взгляды нескольких охранников. Я улыбнулась им и спросила:

— У вас нет другой одежды? Мне очень некомфортно.

Они проигнорировали меня.

Из-за того, что я была покрыта кровью, мне пришлось снова попытаться заговорить с ними:

— У вас есть сигареты? Раз уж дела обстоят так, мне не избежать смерти, — я дотронулась до крови на своем лице, смотря на них с печалью. — Я просто хочу выкурить сигарету. Давно уже не курила.

Возможно, выражение моего лица было слишком искренним, поэтому один из младших охранников фыркнул и бросил мне пачку сигарет с зажигалкой.

Я поспешно достала одну, прикурила и заискивающе протянула пачку обратно. Молодой охранник отмахнулся:

— Забирай всю и не разговаривай, стой смирно.

Вообще-то, у меня нет особой зависимости, просто стоять здесь без дела было скучно.

Выкурив половину сигареты, я увидела, что Цзян Сэнь выходит из здания.

Он шел быстро, ветер развеивал его черные волосы, подчеркивая холодное выражение лица.

Его темные глаза таили ледяную ярость, мундир был перекинут через руку, а за ним следовала группа офицеров в черно-золотой форме.

Я не успела сделать еще пару затяжек своей последней сигареты, как он прямо подошел ко мне, схватил за воротник и прижал к машине. Я с глухим стуком ударилась о дверь спиной, и боль от удара распространилась по всем конечностям. Его низкий рык обрушился на мои барабанные перепонки:

— У него шок. Ты понимаешь, что тебя ждет? Говори, какого хрена ты носишь с собой перьевую ручку?

Цзян Сэнь вжимал меня в дверь все сильнее. Краем глаза я заметила, как вены на его бледной руке вздулись, словно туго натянутая синие нити.

Я же была как резиновая уточка — из-за сильной хватки из моего горла мог выходить только присвист воздуха.

Братец, ну отпусти хотя бы, чтобы я могла говорить!

У альфа часто такие проблемы, то есть необузданное насилие и жажда подавления. Он был в состоянии полнейшей ярости, его феромоны почти готовы были вырваться наружу вместе с эмоциями, пытаюсь обрушить чистое доминирование на другую альфу, что аж вызвало у меня легкий приступ гомофобии.

В ушах стоял звон, мои щеки горели, а зрение затуманилось.

Цзян Сэнь, должно быть, все еще что-то требовал, а мне искренне хотелось, чтобы он подлечил мозги — ну невозможно говорить, когда тебе горло сжимают. Черт, либо придуши меня совсем, либо отпусти.

Я очень хотела сопротивляться, но боялась, что это его еще больше возбудит.

Серьезно, все альфы должны умереть. Кроме меня.

В полубреду мое сознание помутнело. Я смутно почувствовала, как из уголка моего глаза скатилась слеза, и тут же его хватка ослабла.

Еще через мгновение он разжал руку.

Я, словно слизень, шлепнувшийся о стену, медленно поползла вниз по машине, но в итоге все же удержалась на ногах, лишь схватилась за поясницу и судорожно сделала несколько глотков воздуха, сотрясаясь.

— Подними голову и посмотри на меня, — я увидела его начищенные армейские ботинки, а затем услышала голос сверху: — Я сказал, подними голову.

Ну он просто издевается надо мной, да?

Стиснув зубы, я повернула к нему лицо.

Свет позади и тени на его лице мешали разглядеть смутные эмоции, и я лишь почувствовала, что он какое-то время изучал меня взглядом. Затем Цзян Сэнь убрал свои феромоны, и даже тон его голоса слегка смягчился:

— Всего лишь игрушка.

...Что-то у меня нехорошее предчувствие.

Я молча напрягла тело и ягодицы.

Черт, братец, только не это, я ещё и гомофоб.

Я все же изо всех сил выпрямилась и с покрасневшими глазами посмотрела на него:

— Как Аллен?

— Ему все еще переливают кровь, — Цзян Сэнь отвел от меня взгляд, явно успокоившись, и сказал: — Тебе не положено о нем заботиться.

— Между нами ничего не было, все это время это была моя безответная влюбленность, — я прокашлялась, горло все еще горело. — Что касается чувств... он ничего не говорил прямо, это я сама все придумала. Теперь оглядываясь назад, возможно, он просто хотел, чтобы ты меня пощадил, потому что ему было меня жаль. Я не хотела разрушать ваши отношения, — горько добавила я.

— Он делал это не ради тебя, — холодно возразил Цзян Сэнь. — Он делал это ради своего дьявольского достоинства и высокого статуса. А ты... посмотри на себя, на что ты годишься? — Цзян Сэнь сжал мой подбородок, взгляд его темных глаз скользнул по мне. — Бесплезная дрянь с более-менее красивым личиком, и еще мечтаешь взобраться наверх?

Невыносимо. И прижал к стене, и за подбородок ухватил — прямо тройная доза деспотичного поведения.

Но теперь, когда его эмоции улеглись, стало заметно, что что-то было не так. Мне нужно быть

настороже.

Он отпустил меня и, словно испачкавшись, достал платок и вытер руку.

— Если он умрет, я тебя не пощажу. Конечно, если в итоге с ним все будет хорошо, я позволю тебе пожить еще немного.

Цзян Сэнь растерял ту аристократическую вежливость и мягкость, что были при нашей первой встрече в участке, осталась лишь надменность, с которой он смотрел на меня.

Но в следующее мгновение его надменность пошатнулась, потому что один из охранников доложил:

— Операция прошла успешно, молодой господин Аллен пришел в сознание, но он настойчиво просит...

Цзян Сэнь сделал жест рукой.

Охранник продолжил:

— Чтобы госпожа Чэнь сопровождала его в течение нескольких дней послеоперационного восстановления.

Лицо Цзян Сэня тут же помрачнело. Он бросил на меня взгляд и насмешливо усмехнулся.

Он согласился.

Эти послеоперационные дни стали самыми мучительными в моей жизни.

Серьезно, этот омега не просто капризен, он невыносим.

Хотя моя жизнь находится в его руках, иногда мне кажется, что лучше уж я умерла.

— Птицы за окном очень шумят, — тихо сказал Аллен, обняв одеяло и повернувшись ко мне. — Закрой окно.

Я молча пошла закрывать окно.

Всего десять минут назад он говорил, что ему душно, и просил открыть окно.

Я вернулась к кровати и продолжила чистить для него фрукты.

Он посмотрел на меня какое-то время и сказал:

— Ты в последние дни почти не разговариваешь. Я тебе надоел?

А как же иначе?

Я сжала руку, держащую нож для фруктов, и бесстрастно произнесла:

— Вовсе нет.

Он пристально смотрел на меня еще некоторое время, а затем резко выбил нож у меня из рук. Фрукты с грохотом упали на пол.

Я посмотрела на него. Его губы побелели, когда он изо всех сил попытался приподняться и одним махом смахнул со прикроватной тумбочки все фрукты и цветы.

Что-то брызнуло и задело мне лицо.

Он что, мастер уборки что ли?

Аллен посмотрел на меня в некотором ошеломлении.

Я потрогала лицо. Кровь. На душе почему-то стало мерзко и пусто.

Изумление Алена длилось лишь мгновение, а затем он поднял подбородок. Его шея была туго обмотана толстым слоем бинтов, отчего он казался еще более хрупким. На бледной коже проступали сосуды, а пересохшие губы были крепко сжаты.

— Если не хочешь этого делать, то и не делай. Я тебя не заставляю. Если бы я знал, что ты будешь тут стоять и не говорить со мной, лучше бы завел собаку. Тогда ты так проникновенно притворялась, а теперь, когда поручили присматривать за мной, я тебе стал в тягость? — Аллен усмехнулся. — На кого ты тут хмуришься? Тебе это позволено?